

«ИДЕИ МАКИНДЕРА ПО-ПРЕЖНЕМУ АКТУАЛЬНЫ»

ИНТЕРВЬЮ
С МИЛАНОМ ХАУНЕРОМ

Историк Милан Хаунер — автор и соавтор десяти книг и более ста научных статей, посвященных современной истории Индии, Центральной Азии, Чехословакии, Германии и России. Ученый родился в немецком городе Гота в 1940 г., но войну пережил в Праге, где впоследствии учился в школе и в университете, специализируясь по истории и чешскому языку и литературе. Там же он написал диссертацию на тему англо-немецкого военного противостояния в 1908–1912 гг.

Хаунер уехал из Чехословакии во время советского вторжения в 1968 г. и осел в Англии, где начал писать вторую диссертацию в Кембридже. В 1971 г. он проработал три года в Оксфорде, после чего переехал в 1974 г. в Лондон и работал в Отделе научных исследований Amnesty International, где отвечал за страны Восточной Европы.

Через два года он перешел в Немецкий исторический институт в Лондоне, где опубликовал свою первую книгу, основанную на диссертации: «Индия и стратегия Оси: Германия, Япония и индийские националисты во второй мировой войне».

В 1980 г. он переехал в США, где жила его семья, и с тех пор работал в Висконсинском университете в Мэдисоне. Он преподавал и проводил научные исследования в различных университе-

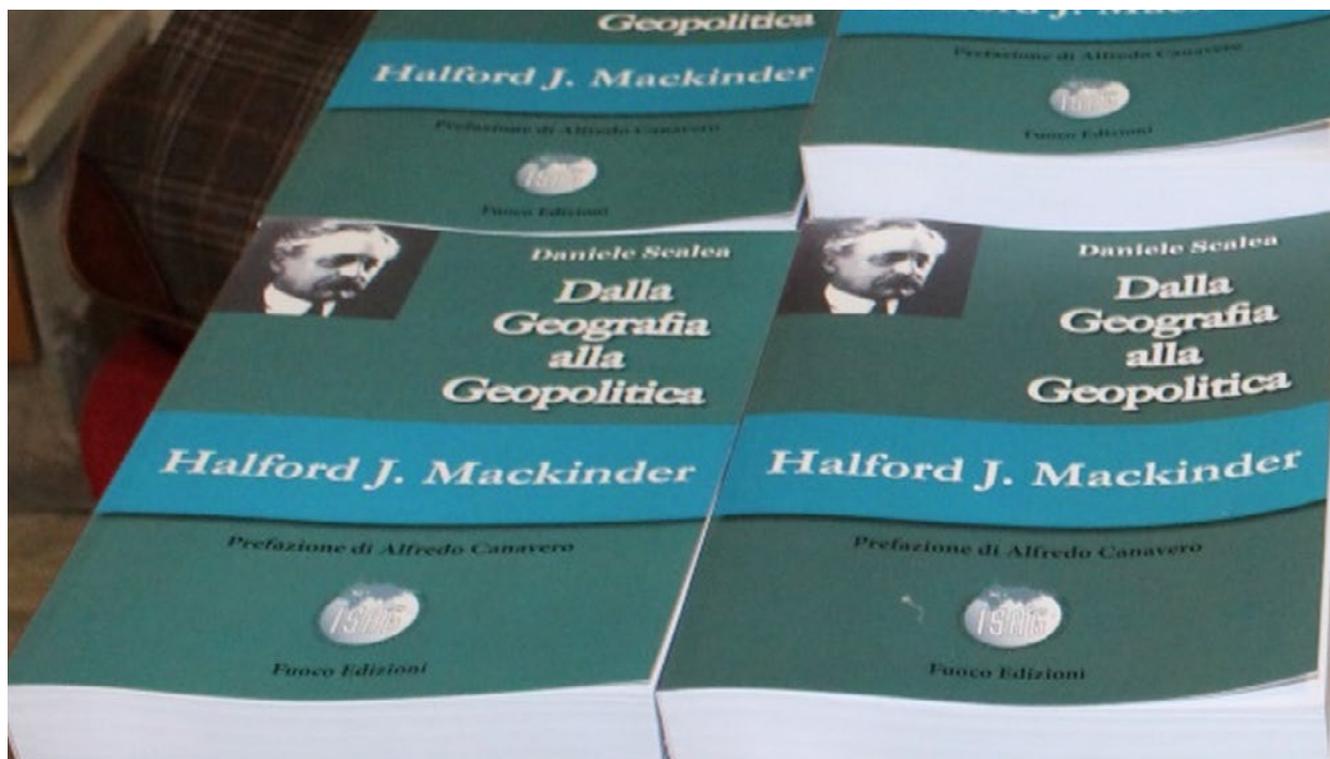
тах в Англии (Оксфорд, Лондонская школа экономики, Уорикский университет, Открытый университет), Германии (Фрайбургский университет, Лейпцигский университет) и США (Филадельфия, Беркли, Институт Гувера в Стэнфорде, Джорджтаун, Колумбийский университет, Военно-морской колледж США), а после 1992 г. в странах Восточной Европы (в основном в Чехии).

В 1990–1991 гг. Хаунер был директором программы Восточноевропейских исследований при Международном центре имени Вудро Вильсона в Вашингтоне. Он продолжил исследования проблем Центральной Азии и Афганистана, опубликовав книгу «Что такое Азия для нас? Российский Хартлэнд вчера и сегодня» (выпущена в 1990 г., выдержала дополнительные издания в 1992 г. и 2013 г.), посвященную имперской геополитике России в Азии.

В этой книге Хаунер уделяет внимание в том числе и «восточникам», впрочем, рассказывая об их взглядах, он не придает большого значения их миролюбивым высказываниям и воспринимает последователей этого течения как своего рода стыдливых империалистов.

Недавно Хаунер отредактировал несколько неизданных рукописей бывшего президента Чехословакии Эдварда Бенеша, что позволило

**ВОСТОЧНИКИ БЫЛИ
ОЧЕНЬ ВЛИЯТЕЛЬНОЙ
ГРУППОЙ ИНТЕРЕСОВ В ТЕ
ВРЕМЕНА, НО Я СЧИТАЮ,
ЧТО В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ ТАКОЙ ГРУППЫ
БОЛЬШЕ НЕТ**

воссоздать военные мемуары Бенеша, опубликованные в трех томах «Мемуары 1938–1945». В настоящий момент Милан Хаунер занимается исследованием чехословацкого сопротивления во Второй мировой войне, а также различными евразийскими аспектами истории России. Хаунер также работает над расширением написанной ранее «Хронологии Гитлера» (издана в 1983, 2005 и 2008 гг.).

Нам было интересно узнать, как оценивает перспективы азиатской политики России человек, который настаивал на актуальности идеи евразийского Хартлэнда, принадлежащей британскому геополитику Хэлфорду Джону Макиндеру, еще в то время, когда Евразия в лице СССР распадалась на массу суверенных государств.

* * *

— *Уважаемый господин Хаунер, Вы посвятили несколько работ идеям выдающегося британского геополитика Хэлфорда Джона Макиндера? Насколько актуальным представляется Вам сегодня его учение? Что в нем, тем не менее, устарело? В какой мере тема Хартлэнда сохраняет свое значение для европейской геополитической мысли, следует ли вслед за Макиндером полагать, что неприступный Хартлэнд угрожает безопасности стран Приморья?*

— Некоторые идеи утратили свою роль, как, например, актуальная для 1919 г. идея о том, что Хартлэнд можно контролировать через Восточную Европу. Кроме того, не стоит забывать, что строитель империй Макиндер в 1904 г. при-

давал религиозным и этническим вопросам очень небольшое значение. Он предполагал, что жители мегаполисов и периферийных регионов в конечном итоге сольются воедино и во втором-третьем поколении ассимилируются внутри «плавильного котла» — наподобие того, что происходило в США. То, что для Макиндера являлось вторичной проблемой, сегодня стало «проблемой номер один».

Однако есть темы, которые сегодня по-прежнему актуальны. Например, идея Макиндера о российской евразийской империи, которая, на мой взгляд, не утратила смысла. Согласно геополитическому определению Макиндера, российская евразийская империя — это сочетание суровой естественной среды с жесткой политической организацией, и этот фактор никакая социальная революция не сможет отменить.

Макиндер выделил три критерия, необходимых для создания мировой империи, которые были крайне актуальны в 1904 г., менее актуальны в 1919 г. и вызывали много вопросов в 1943 г., после того как Германия не смогла достичь мирового доминирования. Эти критерии были сформулированы таким образом: «мобильность внутри страны, плотность населения и наличие внешних морских сил». Не думаю, что сегодня есть держава, которая попытается создать всемирную империю. Я думаю, что даже Китай на это не решится. Джихадисты пытаются предпринять нечто подобное, но это совсем другой случай и совсем другая история.

В том, что касается «мобильности внутри стра-

ны», то к 1904 г. Россия завершила строительство двух важнейших стратегических железных дорог: Оренбург–Ташкент, идущей на юг, и Транссибирской магистрали, идущей на Дальний Восток.

В отношении «внешних морских сил» Россия активно инвестировала в расширение своего флота как через строительство новых военных кораблей (только что построенный Тихоокеанский флот должен был стать самым большим и самым современным внутри Российского флота), так и благодаря строительству новых портов (например, незамерзающего Порт Артура).

В том, что касается «плотности населения», я не уверен, что у Макиндера был доступ к российской переписи населения 1897 г. Однако данные говорили о том, что на тот момент у России был потенциал заселить все свои земли. К концу XIX в. прирост населения в России был самым высоким среди великих держав.

В своем труде «К познанию России» Дмитрий Менделеев пишет: если удастся сохранить нынешний коэффициент рождаемости на уровне 1,5 — население империи должно будет вырасти в четыре раза к концу XX века, а к 2052 г. достичь 1280 млн. Если же коэффициент рождаемости увеличится до 1,8 — тогда рост населения будет идти еще быстрее и достигнет 1280 млн. к 2026 г. Стало быть, империя сможет исправить внутреннюю асимметрию и полностью заселить земли Сибири и Дальнего Востока. Менделеев верил в модернизацию через ассимиляцию и утверждал, что славянские народы сумеют в итоге победить, увеличивая свою долю с 72% за счет сокращения доли турко-татарских (туранских) этносов, которые в итоге будут представлять только 11% населения. Однако Менделеев не мог предвидеть двух мировых войн и того, какой ущерб они нанесут населению империи. Не мог он предвидеть и того, что к 2000 г. империя вместо того, чтобы быстро расти, начнет сокращаться, в том числе через резкое падение рождаемости среди славянского населения.

— В первой книге Вы уделяете внимание тем мыслителям и политическим деятелям России, кто в конце XIX в. стремился к союзу с Китаем? Почему же все-таки тогда Хартлэнд не обрел единства, несмотря на все усилия Витте и его соратников? Можно ли ожидать, что Хартлэнд обретет цельность сегодня, в момент наибольшего сближения Китая и России?

— Россия и Китай были неравными партнерами. Россия была централизованной, частично модернизированной империей, находящейся на пике своего влияния, в то время как Китай оставался феодальным царством с практически отсутствующими железными дорогами и отсталой

Хэлфорд Джон Макиндер (1861–1947) — знаменитый британский географ и политик, один из родоначальников геополитики, автор теории евразийского Хартлэнда, которую он изложил в работе 1904 года «Географическая ось истории». Хартлэнд Евразии представляет собой своего рода сухопутную крепость, окруженную с двух сторон — востока и севера — океанами, с юга — горными массивами и открытую только с запада. В разных работах в разное время Макиндер акцентировал уязвимость Запада перед силами Хартлэнда, и уязвимость самого Хартлэнда от наступления с запада.

армией. Именно поэтому Китай потерпел поражение от меньшей по размеру Японии.

Российское финансовое проникновение в Маньчжурию при Витте стало катастрофой. Банки закрывались. Россияне были очень плохими бизнесменами и требовали защиты своего производства тарифами. Сегодня Китай и Россия находятся на более «равном» уровне. Может случиться всё, что угодно, и, вполне возможно, что это случится, но уже на условиях Китая, а не России.

— *Насколько серьезной была восточническая традиция в русской мысли? Насколько она сохраняет свое значение сегодня? Как Вы полагаете, почему российское евразийство, в отличие от восточничества конца XIX в., жестко отделяло Китай от русской Евразии?*

Восточники были очень влиятельной группой интересов в те времена, но я считаю, что в современной России такой группы больше нет

— *Каково происхождение самого этого термина «восточник»? Кто первым его ввел в оборот? Насколько хорошо сегодня изучено восточничество в западной и отечественной историографии?*

— Я затрудняюсь ответить на данный вопрос. Существовал популярный термин «ориентализм», введенный Эдвардом Саидом, но этот термин был создан исключительно на основе англо-французских примеров восточных исследований и полностью игнорировал выводы и достижения немецкого «Orientwissenschaft» и российского «востоковедения».

— *12 марта 2015 г. скончался Мануэль Саркисяни, автор книги «Россия и мессианизм Востока». Как Вы оцениваете вклад ученого в изучение русского ориентализма? Приходилось ли Вам с ним общаться?*

Хэлфорд
Джон Макиндер

— Это был выдающийся человек. Мне понравилась его книга о мессианстве, однако, у меня не было возможности познакомиться с ним лично.

— *В какой мере русское восточничество нашло продолжение в евразийстве? Почему само восточничество в отличие от евразийства не сложилось в мощную школу геополитики и историософии?*

— Мне кажется, что рождение евразийства, которое, между прочим, бросало вызов и русскому марксизму в том числе, стало возможным только после двух катастроф — Первой мировой войны и Октябрьской революции. Восточники были слишком слабы для того, чтобы укрепиться в звании первой и единственной российской

экспансионистской идеологии. Кроме того, они не использовали современные научные достижения и методы научного познания, без которых модернизация России была невозможна.

— *Россия дважды за свою историю пыталась сблизиться с Китаем. Оба раза — и в 1896 году, и в 1949 — сближение было основано на общих ценностях, в первый раз — монархических, второй раз — коммунистических. Сегодня нас не объединяют общие ценности. Это слабость или, может быть, залог успеха?*

— Россию и Китай объединяет также тяга к централизации. Однако Китай быстро усвоил урок и старается исправить внутреннюю асимметрию своего собственного Хартленда между плохо развитым Западом и перенаселенным Востоком.

— *Планируете ли Вы издание Ваших книг в России?*

— Мне пока не поступало никаких предложений от российских издательств. Кроме того, мои исследования сейчас больше посвящены Восточной Европе. Но я думаю, что работы моих российских коллег могли бы стать источником вдохновения, которое, возможно, дало бы свои плоды, если б я имел доступ к архивам. Несколько лет назад я открыл для себя потрясающего русского мыслителя Вадима Цымбурского (я познакомился с его книгой «Остров Россия»), который пришел к такому же выводу, что и я: Россия имела своих собственных геополитических мыслителей, чье развитие шло независимо от западных геополитических трендов. Я хотел отправить ему свою книгу для того, чтобы начать обмен мнениями, но с большой скорбью узнал, что он скончался несколько лет назад.

Беседовала Юлия Нетесова